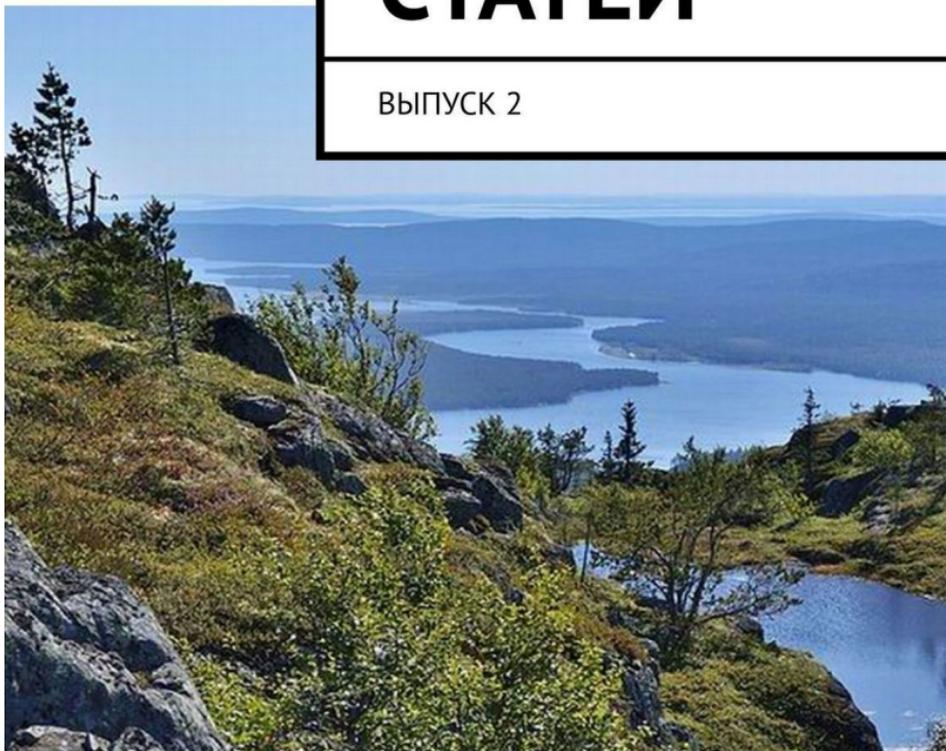

СВЕТЛАНА ВАСИЛЬЕВНА
ЖАРНИКОВА

СБОРНИК СТАТЕЙ

ВЫПУСК 2

Светлана Васильевна Жарникова

Сборник статей. Выпуск 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21618266

ISBN 9785448331473

Аннотация

Книга статей выдающегося ученого С. В. Жарниковой посвящена исследованию культуры и этнографии индоевропейских народов. Зарождению их обрядов и традиций. Открывает тайны ведической истории.

Содержание

Ворота Гипербореи. Закрытая тема	7
Отражение ведических мифологем в восточнославянской	14
Масленица. Или к теще на блины	29
Палеолит. Золотой век Матриархата	47
Теща – как персонаж Масленицы	72
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Сборник статей

Выпуск 2

Светлана Васильевна
Жарникова

Редактор Алексей Германович Виноградов

Иллюстратор Алексей Германович Виноградов

© Светлана Васильевна Жарникова, 2022

© Алексей Германович Виноградов, иллюстрации, 2022

ISBN 978-5-4483-3147-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ворота Гипербореи. Закрытая тема

На старинных картах 16 века вологодская земля украшалась удивительным гербом, который представлял из себя ворота с ведущими вверх ступенями. Ворота эти – ворота Гипербореи...

Несколько лет я пытался вести диалог с руководством Вологодской области об использовании уже известных материалов о северной прародине современной цивилизации и трудов нашей землячки, знаменитого ученого С.В.Жарниковой для организации новых туристических маршрутов. Но это был разговор слепого с глухими.

Приезжающим в Вологду гостям непременно расскажут, что коренным населением этих территорий были финно-угорские племена, что в десятом веке сюда пришли славяне (неизвестно откуда) и колонизировали эти земли (посути захватили). Учитывая, что сегодня многие наши уголья выходят из пользования, пустеют, зарастают, то наверняка у кого-нибудь возникнет соблазн вернуть их, если не законному владельцу, то эффективному пользователю.

Похоже, мы бездумно роем себе и нашим детям яму. Может быть, поэтому наши дети не чувствуют себя хозяевами на этой земле и стремятся уехать. А между тем, наука неоднозначно говорит о том, что нашими предшественниками

здесь были финно-угры.

Меня удивляет, почему мы так равнодушны к многочисленным и довольно убедительным исследованиям целой группы авторитетных ученых, которые говорят, что Север является прародиной современной цивилизации, что здесь находятся корни индо-европейского языкового древа, что древний язык санскрит, давший основу этому древу – это практически одно и то же, что и северные русские диалекты.

Но у нас упорно музейные работники рассказывают, например, что город «Тотьма», стоящий на высоком берегу Сухоны на финоугорских наречиях означает – «сырое болотистое место», а не «божественная земля» в переводе с санскрита, что гора «Маура» – «девичья гора» по финно-угорски, а «не земля у солнца», что и так понятно. И таких примеров – масса.

Все реки, с окончание на «га» говорят о том, что здесь испокон веку жили потомки славян. На санскрите «га» – «движение». В былые времена реки и были дорогами. ...В Индии космонавтов зовут «гаганавтами». У нас «гагара» – «летающая к солнцу»...

Знакомство с гипотезой «северной прародины» открывает бездну интереснейших фактов. Она позволяет нам по-новому взглянуть на свою историю и обрести на законных основаниях землю далеких предков, которые жили здесь всегда.

Я уже писал о трудах нашего знаменитого ученого

С. В. Жарниковой, которая убедительным образом доказывает, что Север – прародина цивилизации, но уже много лет не может издать свой капитальный труд. Совершенно не обязательно утверждать, что Жарникова – истина в последней инстанции. Но она возбуждает жгучий интерес к истории и прошлому.

Хотелось бы, чтобы наши экскурсоводы, музейные работники, все те, кто учит наших детей, говоря о финно-угорских племенах, колонизированных славянами, говорили параллельно и о яркой, убедительной гипотезе, которая рассматривает Север, как прародину современной цивилизации.

О том, что Север – прародина славян, «корни которых уходят в глубины тысячелетий и затрагивают этносы, заселявшие Север Евразии», говорили М. В. Ломоносов, выступая против засилия нормандской теории в русской истории («Древняя Российская история» 1766г.), первый историк В.Н.Татищев, поэт и государственный деятель В.К.Тредиаковский, «русский гений» Н.Я.Данилевский в знаменитой книге «Россия и Европа», судьба которого связана с Вологодчиной...

И уж совершенно точно никаких «политических пристрастий» в пользу русских не было у Геродота, Плиния, писавших о Гиперборее, стране великанов за Северным ветром, у француза Жана Сельмена Баи, академика трех академий, который в 18 веке утверждал, что «...Вся цивилизация мира

пришла из Заполярья...». Он опубликовал 40 писем к Вольтеру, которые составили книгу «Арктида и Гиперборея». Эта книга вышла в России под редакцией д. ф. н. В.Н.Демина только в 2003 году.

Уильям Уоррен, ректор Бостонского университета в конце 19 века выпустил книгу «Потерянный рай или родина человечества на Северном полюсе». Книга эта была столь популярна, что выдержала десятки изданий, но только не в России.

В начале 20 века опубликовал свои труды «Полярная родина в Ведах» индийский ученый-санскритолог Бал Тилак, который анализируя древнейшие тексты ведических преданий, убедительно доказал, что Полярный Север является прародиной современной цивилизации. Эта книга вышла в 1903 году и переведена была на все европейские языки, кроме русского. И только в 2000 году она вышла в России в переводе известного санскритолога Н.Р.Гусевой.

В 1910 году известный ученый биолог Евгений Елатич, серб по национальности, опубликовал книгу «Крайний Север – прародина цивилизации».

В 1922 году на Кольский полуостров отправилась экспедиция известного ученого Александра Барченко. Однако у коммунистов были иные задачи, нежели, восстановление корней русского народа. Они создавали человеческую общность без национальных различий – советский народ. Все члены экспедиции Барченко были расстреляны, а докумен-

ты экспедиции засекречены.

В пятидесятых годах в Индии вышла книга Рахула Санскритьяна «От Волги до Ганга», в которой прослеживались пути ариев-пахарей с Севера до полуострова Индостан. На русский язык эта популярная книга не была переведена.

Можно привести еще немало ученых трудов, указывающих на древнейшую историю славян на Севере, которые в России в двадцатом столетии умышленно замалчивались. И только в последние два десятилетия стало возможным говорить об этой интереснейшей странице истории современной цивилизации.

Об индоиранском и славянском родстве рассказывают в книге, вышедшей в издательстве «Палея», «Древность. Арьи и славяне» Н.Р.Гусева, известнейший индолог, С.В.Жарникова, А.П.Шастри, Н.Л.Членова, академик Б.А.Рыбаков.

Полярной прародине человечества посвящены труды доктора философии, профессора В.Н.Демина, организовавшего несколько научных экспедиций на Кольский полуостров в поисках остатков древней цивилизации Гипербореи.

С.В.Жарниковой подготовлена фундаментальная книга исследований по этой проблеме, которая широко была представлена в различных периодических изданиях, на конференциях и симпозиумах. И на сегодня, у трудов Жарниковой не нашлось сколько-нибудь серьезных оппонентов.

И наоборот, ее книга «Золотая нить», изданная Вологод-

ским областным научно-методическим центром в 2003 году, которая убедительно говорит о том, что Север является нашей общей прародиной, получила самый широкий отклик и пользуется большим авторитетом в научных кругах. Вологодчина может только гордиться, что такой труд появился у нас.

Обидно, что мы сохраняем инерцию прошлого столетия и шарахаемся от своей собственной тени. Совсем не обязательно вносить «изменения во все образовательные программы и учебники по истории». Но не стоит, и замалчивать иной взгляд на историю. Разве они не могут существовать параллельно?

А между тем издается 12 томная серия, посвященная истории от Киевской Руси до настоящего времени. Пишут ее английские ученые, издается она в Англии на русском языке с позиций свехнорманизма, где славяне подобляются некому сброду, не способному к самоорганизации, а всегда были управляемыми элитой, пришедшей из Скандинавии

Последствия такой истории могут быть для нас и нашей государственности непростыми.

Накопленный за несколько тысячелетий материал о Полярной прародине сегодня был бы для нас как никогда кстати. И для разработки туристических маршрутов, и для воспитания патриотизма, и укрепления авторитета государства и малой родины – Вологодчины.

В 2006 году в Санкт-Петербурге в Русском Географиче-

ском обществе прошла научная конференция «Северная традиция», посвященная исследованиям Гипербореи, в которой приняли участие доктор философских наук профессор В.Н.Демин, кандидат исторических наук, этнолог С.В.Жарникова, руководитель Северной комплексной экспедиции, председатель научного туризма РГО С.В.Голубев, мансийский писатель Ю. Шесталов, профессор В.П.Смирнов, профессор И. В. Прохоровцев, Президент Международного клуба ученых Я.Г.Клюшин и многие другие представители науки...

Теперь эти конференции стали ежегодными. Как практический результат конференций можно считать то, что многонациональная Карелия объявила себя «Воротами Гипербореи», запустив сразу несколько проектов, среди которых яркий фестиваль народов Севера, общей для всех прародины: «Гиперборея», проходящий в Петрозаводске в феврале, а так же масштабный молодежный форум «Гиперборея – битва идей», который проходит на природе летом. В 2010 году в нем приняли участие до 1500 человек: представители десяти регионов СЗФО, и 14 зарубежных стран, в том числе Балтии и Скандинавии...

А вологодские чиновники тему эту, похоже, закрыли надолго...

Анатолий Константинович Ехалов 2012 г.

Отражение ведических мифологем в восточнославянской календарной обрядности

Ф. И. Буслаев в своей знаменитой речи «О народной поэзии в древнерусской литературе», произнесенной в 1858 году, подчеркивал, что «ясное и полное уразумение основных начал нашей народности есть едва ли не самый существенный вопрос и науки и русской жизни». Пытаясь сегодня решить хотя бы малую часть этой задачи, мы обязаны обратиться к еще живой народной традиции и попробовать рассмотреть ее сквозь призму многотысячелетнего прошлого, в котором скрываются «основные начала нашей народности». Отметим при этом, что в восточнославянской народной традиции вообще, а в северно-русской в особенности, сохранились такие элементы культуры, которые архаичнее не только древнегреческих, но даже и тех, что зафиксированы в текстах древнейших памятников индоевропейской мифологии – Ригведы, Махабхараты и Авесты.

В связи с тем, что именно в ведических текстах сохранились в большом количестве описания и объяснения архаичных индоевропейских календарных обрядов, именно эти тексты представляется необходимым использовать как дешифрующие при анализе восточнославянской и, в част-

ности, северно-русской календарной обрядности. Возможность обращения к ведическим текстам при рассмотрении русского материала обусловлена «как большей степенью соответствия между ведическим и русским в силу лучшей сохранности в нем (русском языке) архаизмов, чем в западных языках, так и большей близостью русской (славянской) мифо-поэтической традиции к индоиранской».

В сохранившихся до рубежа XIX – XX вв. верованиях северно-русских крестьян, особенно в устойчивых календарно-обрядовых циклах, четко прослеживаются реликты архаического индоевропейского календаря, уходящего корнями в глубины тысячелетий.

Так восточнославянская дохристианская картина мира четко дифференцирует два временных цикла года: период от зимнего солнцестояния (22 декабря) до летнего солнцестояния (22 июня) и период от летнего солнцестояния до зимнего. Начало каждого из этих циклов было четко обозначено календарными обрядовыми действиями: зимними Святками и Иваном Купалой. Судя по некоторым реликтам обрядов, а также по скандинавским материалам, в глубокой древности зимние Святки длились полный лунный месяц или 28 дней. Так у шведов святки «были известны под именем Иольского или Юльского праздника (iuul, ioel), как важнейшего и продолжительнейшего из всех. Этот праздник отправлялся в честь Тора в Норвегии зимой, а в Дании в честь Одина для благословенной жатвы и скорого возвра-

та солнца. Начало праздника обыкновенно наступало в полночь 4 января и продолжался целых три недели», – писал М. Забылин в 1880 г. Здесь стоит обратить пристальное внимание на два мифологических образа – Одина и Тора. Один – верховный бог скандинавской мифологии, изначально представлявший духовную власть, мудрость и сакральное знание. Он владыка небесного царства мертвых, который сам себя принес в жертву и пронзенный собственным копьём девять дней висел на мировом древе, после чего испил священного меда поэзии и получил руны – носители высшего знания и мудрости. Именно благодаря такой жертве Один-Водан соединился с мировым деревом и стал посредником между богами и людьми, между предками и потомками. Он удивительно близок к арийскому Варуне, также владыке космического океана (т.е. небесного царства мертвых), всех земных вод, царю закона и хранителю сакрального знания.

Варуна связан с деревом, крону которого он «держит в бездонном пространстве» и «корни которого вверх, а ветви вниз смотрят». Здесь имеет смысл вспомнить русский заговор, где на «море-океане, на острове Буяне стоит дуб-карколист, вниз ветвями, вверх корнями», при том, что в севернорусских диалектах «буй, буево, буевище» – погост, кладбище, «тот свет». Скандинавский бог Тор «первоначально мыслился как бог неба... Имеются явные следы связи Тора с культом дуба...», указывающие на его первоначальную связь с мировым деревом.

Таким образом, скандинавские святки, длящиеся три недели, были посвящены божествам, связанным с миром мертвых (предков), «тем светом» и мировым деревом.

Но восточнославянские Святки тоже связаны с культом мертвых, с миром ушедших на «тот свет». Именно в эти дни в мир живых возвращалось «Святые» – умершие, души которых на время Святков вселялись в тела их потомков – ряженных. Судя по севернорусскому материалу, рядились (во всяком случае в древности) самые родовитые и знатные, те, чьи роды были самыми старыми в данной общине, деревне, селе. Об этом свидетельствует одно из вологодских диалектных названий ряженных – «кулеса». Но в тех же диалектах «кулыня», «кулина» – знатная, богатая, родовитая. Стоит отметить, что санскритское kula – семья, род, знатная семья, kula-ja – принадлежащий к знатному роду, kulina – родовитый, знатный.

Общеизвестно, что в народном представлении у мертвых нет обычного земного тела («у навей нет облика»), поэтому они могут прийти в этот мир только позаимствовав у кого-то из живых его плоть. Л. Н. Виноградова подчеркивает, что ряженные и нищие являются теми ритуально значимыми людьми, при посредничестве которых можно связаться с миром умерших. Здесь стоит отметить, что русское слово нищий соотносится с древнеиндийским nistyaś, что значит «чужой», «нездешний», и в целом аналогично понятию «ряженный».

Л. Н. Виноградова считает, что: «По-видимому, можно разделить мнение ряда специалистов о том, что есть основания (в том числе и языковые свидетельства) предполагать, что нищие (и ряженные) воспринимались как заместители умерших, а щедрое их одаривание – как отголосок поминальных жертвоприношений».

Такое восприятие ряженных дошло практически до наших дней. Согласно данным, полученным фольклорно-этнографическими экспедициями под руководством А. М. Мехнецова в 80-е – 90-е годы XX века, информаторы помнят о таких обязательных персонажах святочного ряженья, как «предки» (старцы, покойник), «нелюди», «чужаки» (нищие, побирушки), «высокие старухи». Для того, чтобы душа живого человека, отдавшего на время святок свое тело «предку», не осталась навсегда на «том свете», ряженные категорически запрещали называть себя по имени, узнавать себя. За нарушение этого запрета провинившегося «били смертным боем», так как считалось, что душа поименованного может не вернуться в его тело, занятое на время святок кем-то из его предков. Такое положение могло принести общине неисчислимые бедствия, так как в дни Святок все жили по законам «перевернутого мира» – мира предков. Именно об этом свидетельствуют воспоминания стариков и старух из разных районов Псковской области (80-е – 90-е годы XX века), отмечавших, что ряженных называли «дедами», что они ходили молча или «выли по собачьи», кланялись

до земли, что их лица были вымазаны сажей, что они были не смешны, а вызывали уважение и страх, что их ждали в каждом доме и готовились к этой встрече. В русской народной традиции ряженые в Крещенье (когда, как правило, трещали самые лютые морозы), после освящения воды, обязательно купались в проруби, возвращая «тому свету» душу предка, которому «одалживали» на время святок свое тело. Сделать это было необходимо, так как с древнейших ведических времен считалось, что кратчайший путь души на небо, в обитель богов и предков, это погружение в речные или морские воды, впадающие в конечном итоге в Реку Вечности – Млечный Путь.

М. Забелин отмечал, что в Тихвине, например, на святки «снаряжалась большая лодка, которая ставилась на несколько саней и возилась несколькими лошадьми по городу». Верхом на лошадях, везущих лодку, и в самой лодке сидели ряженые. Даже в 1996 году в деревне Журавлев Конец Гдовского района Псковской области фольклористам сообщили, что те, кто рядился на Святки, в Рождество обязательно должны были обливаться тремя ведрами колодезной воды, то есть воды, рождающейся и протекающей под землей.

Жители «того света», проведав своих потомков и наградив или наказав их, обязательно возвращались в свой мир. А живые делали все для того, чтобы ни в коем случае ни одна мертвая душа не оставалась в нашем мире.

Вероятно, объяснение всему этому комплексу верований

и соответствующих им обрядовых действий надо искать где-то в глубинах тысячелетий, когда они только зарождались. И в таком поиске невозможно обойти вниманием самые архаичные индоевропейские мифо-поэтические тексты, сосредоточенные в Ригведе, Махабхарате и Авесте. Так, в 304 главе «Мокша-дхармы» (одной из книг Махабхараты) царь Юдхиштхира спрашивает своего наставника Бхишму:

«Что называется непреходящим, откуда нет возврата,
И что называется преходящим, откуда возвращаются
снова?»»

Он же говорит смертельно раненному Бхишме:

«Тебе осталось жить немного дней, пока направляется
к югу, творец света.
А когда к северу повернет владыка, ты пойдешь путем
высочайшим,
И когда ты пойдешь навстречу блаженству, от кого нам
принять поученье?»»

Переводчик и комментатор Махабхараты академик Б.Л.Смирнов в связи с вышеприведенным текстом писал: «Время движения солнца на юг считается темной половиной года; умерший в это время подлежит возврату. Движение солнца к северу (от зимнего до летнего солнцестояния) светлой половиной; умерший в это время не возвраща-

ется. Бхишма силой воли задерживал свою смерть до начала светлой половины года». То есть, проецируя данную ситуацию на восточнославянскую (русскую) традицию, мы могли бы сказать, что Бхишма ждал Святки, которые начинаются с началом светлой половины года или «дня богов».

Дело в том, что в ведической традиции время живых, умерших и богов было различным: Сутки предков – месяц, где 14 дней – день и 14 дней – ночь; Сутки богов – год, где день – светлая половина или движение солнца на север (с 22 декабря по 22 июня), а ночь – темная половина или движение солнца на юг (с 22 июня по 22 декабря). Во время Святки предки, обретшие вечную жизнь и блаженство в мире богов, могут прийти на свой день, (или даже на свои сутки, т.е. на 14 или 28 дней) к потомкам, чтобы подарить им плодородие, счастье, здоровье или наказать их за провинности. Но полное возвращение обоженных предков в эту жизнь, реинкарнация их в живых людей абсолютно невозможна, ибо они навсегда принадлежат иному миру. Отправление же душ умерших в «день богов» на «тот свет» после Святки происходит по принципу, сформулированному еще в Махабхарате, где богиня Ганга говорит: «Блажен, кто оканчивает жизнь здесь, в волнах, – он обретает бессмертие и живет в обители богов».

В унисон с этими словами звучат строки поминальных стихов, сохранившихся в России до наших дней:

Как по морюшку, морю синему,
Рай душе, рай светлый.

В отличие от зимних Святков, где проводы людьми обожествленных предков, «заглянувших» в наш мир «на день» или «на сутки», но не более, были логическим завершением обряда, во время летнего солнцестояния, на Ивана Купала, когда светило поворачивало на юг и начиналась «ночь богов», души умерших стремились вернуть обратно на землю для их реинкарнации в живых людей – новорожденных детей.

Праздник Купало предварялся днем Росы. М. Забылин отмечал, что ночь накануне 24 июня, то есть дня Св. Иоанна Предтечи (или Ивана Купала) «называлась Роса, которую праздновали почти все северные народы». Он пишет: «Доныне, в Вильне 24 июня, вечером, народ сходится в лесу пить, есть и веселиться, что называется у них – идти на росу» 14. И продолжает далее: «Может быть, самый праздник Росы потому назван, что древние верили, что реки – дети моря, родящиеся от испарений морских, что и есть роса».

Через 47 лет после М. Забылина, в 1927 г. об этом же празднике пишет Д. К. Зеленин в своей «Востоочнославянской этнографии»: «В эту ночь и роса обладает чудесной целебной силой; в ней купаются, чтобы сохранить здоровье и красоту, поят ею коров, чтобы они давали много молока».

Вероятно, здесь имеет смысл вспомнить слова русско-

го комментатора XII – XIII вв. к христианскому поучению «О вдуновении духа в человека», который, противопоставляя языческого Рода христианскому Саваофу, писал: «То ти не Род, седа на воздесе мечеть на землю груды и в том рожаются дети... всем бо есть творец бог, а не Род». Поскольку слово «груды» или «грудие» обозначало дождь и росу, мы можем сделать вывод, что автор поучения убеждал своих современников в том, что рождение детей и дождь или роса, которую бросает с неба на поля бог Род, никак не связаны между собой.

Но само появление подобных противопоставлений и отрицаний подтверждает тот факт, что вера в теснейшую связь рождения детей и росы в народе была чрезвычайно стойкой и очень древней. И здесь мы вновь обращаемся к ведической традиции, которая гласит: «Путь предков ведет на луну, откуда души ниспадают с росой (сомой), возникшей из месяца (Сомы)». В представлении ведических арьев летнее солнцестояние есть «высшая жертва», так как «Солнце, достигнув созвездия Рака, «поворачивает назад» по кругу зодиака, то есть начинает движение к югу, достигнув крайнего северного положения в Раке. Летнее солнцестояние представляется как бы отдыхом Солнца, когда усталое оно нуждается в подкрепляющем напитке сома, который находится в» доме» Сомы (Луны)», – пишет Б. Л. Смирнов.

Останавливающееся Солнце пьет лунный напиток и приносит себя в жертву, слабеет и склоняется на юг, где и воз-

рождается в Козероге. Душа умершего свободна как птица, но, попадая в проявленный мир, она становится «бескрылой», так как превращается в воду (росу, дождь). А «воды – это проявленное», то есть умерший, «получая лунное тело» снова может воплотиться. Дальнейшая судьба умершего зависит от той жизни, которую он прожил:

«Темные направляются в преисподнюю, красные (раджас) – к человеческому (существованию), Светлые в мир богов уходят, причастные к счастливой доле.

В силу исключительной злобности они попадают в звериные лона,

В силу праведных-неправедных (дел) – в человеческие,
И в силу праведных – в божеские (лона)»

Таким образом, в новой жизни часть умерших воплощается в животных. Другая (умершая в «день богов» с 22 декабря по 22 июня) – уходит в «божеские лона». «Из этих тел (они) переходят в воду, из воды в свет, из света в воздух, (затем в пространство). Из пространства не возвращаются те, что приобщась Бытию, Запредельного достигают». И, наконец, третьи (умершие в «ночь богов» с 22 июня по 22 декабря) возвращаются в наш мир новорожденными детьми. Но для того, чтобы они могли снова обрести человеческий облик, их необходимо было зачать в «человеческом лоне». И этот процесс начинался именно с 22 июня, с «великого

жертвоприношения Солнца», когда наше светило – «Великий Прапредок» – начинало свой смертный путь в зиму, где оно 22 декабря вновь возрождалось в Козероге. С 22 декабря по 22 июня оно шло путем бессмертных, а с летнего солнцестояния, с «великого жертвоприношения» указывало путь всем смертным.

В восточнославянской и балтской народной традиции праздник Росы, предваряющий Ивана Купала, и сам купальский обряд, будучи началом брачных игр, как бы включали этот процесс реинкарнации.

Праздник Росы и Купала бесспорно связаны с росами, водой рек и озер. Но купальский обряд также отмечен ярко выраженным поклонением горам (на которых жгли костры), деревьям и цветам (купальские венки), огню и солнцу. Касаясь этимологии названия Купала, Н. Р. Гусева пишет: «Обращаясь к индо-арийским языкам, мы встречаемся с такими возможностями истолкования этих имен: Купала происходит не от славянского корня „куп“ – (купаться), а состоит из двух слов – „ку“, что значит на санскрите „земля“ и „пала“ – „податель даров“, „охранитель“ ... и в таком толковании имени Купала больше соответствует сущности бога Солнца... Обряд священных омовений связан с культом Солнца очень тесно: и в современной, и в древней Индии воду возливают на алтарь с изображением бога-Солнца, в воду входят, встречая восход солнца». Это естественно, так как, согласно ведическим представлениями: «Из воды порождена преходящая

(земля), а преходящий мир – от преходящей».

В Махабхарате есть предание о том, что когда бог грозы Рудра вселился в Огонь, то часть его семени упала на гору, другая в воду, третья попала в лучи Солнца, четвертая на землю и пятая в деревья. В эпосе утверждается, что «этих пять нужно почитать лучшими цветами тем, кто богатств желает. Нужно оказывать им почтение и ради успокоения болезней... им должны поклоняться здесь те, что желают блага своим детям». Ну а дети – это те, кто в силу своих «праведных-неправедных дел» в предшествующей жизни вновь были зачаты в «человеческих лонах» и вновь пришли в этот преходящий мир. Поклонение воде и огню, рождающим жизнь во всех ее проявлениях, и возвращение на землю тех, кто должен на нее вернуться – вот смысл и содержание Купалы. Именно таким он предстает перед нами в описании автора XVI в. игумена Памфила: «С вечера собирается простая чадь обоего пола и соплетают себе венцы из ядомого зелия или корения и перепоясавшеся былием возгнетают огонь; инде же наставляють зеленую ветвь и, емшися за руке около, обращаются окрест оного огня, поюще свои песни, преплетающие Купалом; потом через оный огонь перескакують... Егда бо прийде самый праздник, тогда во святую ту ночь мало не весь град возмьется, в селах взбесятся, в бубны и сопели и гудением струнным, плесканием и плясанием... Ту есть мужем и отрокам великое падение, мужеско, женско и девичье шептание, блудное им воззрение, и женам

мужатым осквернение и девам растление».

Подводя итоги, можно сказать, что судя по всему, в основе восточнославянских календарных обрядов, отмечающих такие важные моменты года, как зимнее и летнее солнцестояние, лежали те же мировоззренческие установки, те же мифологемы, что зафиксированы в ведических текстах (Ригведе, Махабхарате, Авесте):

1. Каждый умерший в «день богов» обретает вечную жизнь в мире богов и реинкарнации в мире людей не подлежит. Им посвящены Святки, время, когда они могут посетить своих потомков.

2. Каждый умерший в «ночь богов» обязательно должен вернуться в мир живых людей росой, дождем или снегом, чтобы перевоплотиться в новорожденного ребенка.

Праздник Росы, предваряющий Ивана Купала, и сам купальский обряд, будучи началом брачного периода, как бы включали этот процесс реинкарнации.

3. Так как души на том свете изначально имели световое или огненное воплощение, то и во время зимних святок, и на Купалу живые люди приобщались к миру умерших через все три ипостаси огня: собственно огонь (солнце, костер), воду (несущую в себе потенциально огонь), дерево (трением которого друг о друга получают ритуальный «живой огонь»).

Древние календарные представления о делении года на две половины (божественный день и божественная ночь)

восходят к тому отдаленному историческому периоду, когда предки индоевропейцев, в частности индоиранцев и славян обитали в Приполярье, на севере Восточной Европы. Факт такого пребывания доказывается текстами Ригведы, Махабхараты и Авесты, где даются красочные и детальные описания природных реалий именно этих высоких северных широт. Выдающийся индийский исследователь Бал Гангадхар Тилак писал в своей работе «Арктическая родина в Ведах», вышедшей в свет в 1903 году: «Арьи не были автохтонами ни в Европе, ни в Центральной Азии – их исходный регион лежал где-то вблизи Северного полюса в эпоху палеолита. И они мигрировали оттуда в Азию и Европу не под влиянием „неодолимого импульса“, а потому что наступили неблагоприятные изменения в климате этого региона». Он подчеркивает: «Утверждение, что день и ночь богов делятся по 6 месяцев, крайне широко распространено в древнеиндийской литературе... мифы тоже указывают на Северный полюс, как на исходную землю и других народов, кроме арьев, и нельзя утверждать, что только арьи пришли с севера. Напротив, есть основания считать, что пять рас людей (паньча джанах), часто упоминаемые в Ригведе, могли быть теми, кто жил рядом с арьями на общей родине».

Масленица. Или к теще на блины

В древнейшей традиции наших предков самые важные календарные точки года: зимнее (22 декабря) и летнее (22 июня) солнцестояния, весеннее (22 марта) и осеннее (22 сентября) равноденствия объединялись в символический «Крест года». Этот вывод подтверждают данные «Влесовой книги», где говорится о четырёх самых главных праздниках года: Коляде, Яро, Красной Горе и Овсени (Малом и Великом).

Коляда, безусловно, наши Зимние Святки с обрядовыми песнями – «колядками» и исполняющими их ряжеными – «колядками», «колядовщиками». Сам термин «Коляда» («колодающая», т.е. дающая круг» непосредственно связан с завершением круга божественных суток, когда на смену Ночи Богов, кончающейся в ночь с 21 на 22 декабря, приходит Новый День Богов, начинающийся с 22 декабря. Весь период Зимних Святок (19 декабря – 19 января) посвящен поклонению Божественному Свету – Творцу Вселенной, которого наши предки называли Законом Непреложным или Дедом. В течение этого месяца в мир людей возвращались те, кто сумел обрести световое тело («святые»), т.е. приобретшие к Абсолютной Истине Космического Закона. Таким образом, Зимние Святки – период поклонения Мудрости Творца, подведения итогов годового круга и встречи но-

вого Коло-Солнца.

Яро или Ярилинь день (Купало) – 22 июня – летнее солнцестояние и начало Ночи Богов. О нем нам еще предстоит говорить. Отметим только, что это праздник молодежи, тех, кому предстояло найти себе пару и пройти испытание Божественным Огнем на право вступить с избранником или избранницей в брак. А, вступив в брак, выполнять космический закон реинкарнации, давая жизнь новым людям – детям.

Следующий по значимости праздник в перечне «Влесовой Книги» – Красная Гора, а за ней Овсень (Авсень, Усень, Таусень), т.е. праздник осеннего равноденствия.

Но здесь мы останавливаемся перед парадоксом – сегодняшняя Красная Гора никакого отношения к весеннему равноденствию не имеет. Праздник, приближенный к этой календарной дате – 22 марта у нас вообще отсутствует. Однако известно из исторических источников, что раньше такой обрядовый цикл как Масленица (или Масляница) длился не неделю, а целый месяц, начинаясь с 20 февраля и завершаясь 21 марта. Красная Гора сегодня – это праздник Пасхального сорокадневья. В большинстве случаев Красной Горой называют или Фомино воскресенье (следующее после Пасхи), или первые три дня Фоминой недели (включая воскресенье), или всю Фомину неделю. Этнограф И. П. Сахаров писал в 1848 г., что «Красная гора на Руси составляет первый весенний праздник. Великорусы здесь встречают весну,

венчают суженых, разыгрывают хороводы».

Обращаясь к Масленице, мы можем отметить странное обстоятельство, что древнее название этого праздника нам до недавнего времени было неизвестно. «Щедрая Масленица, жирная Масленица» и т. д. всего лишь констатировала наличие обрядовой еды – блинов и масла. И не более. «Влесова Книга» все поставила на свои места. И сегодня мы с уверенностью можем утверждать, что древняя священная Красная Гора и наша Масленица – одно и то же. Об этом свидетельствует то, что именно на Масляной неделе молодожены ездили к «теще на блины». Теща же в архаической традиции это не только мать жены, но и самая старшая женщина в доме. В обрядовой игровой песне (Вологодская область) говорится о дубе, на котором «сидит сова, она моя теща, коней пасла». Археолог Е. В. Кузьмина отмечает, что «конь играл большую роль в культе богини – матери». В индоевропейской традиции был широко распространен образ богини – хозяйки коней. «Ее представляли стоящей между двумя всадниками», олицетворявшими противоположные стихии – жизнь и смерть, над которыми властна Богиня – Мать.

Иногда вместо всадников изображались просто два коня – черный и белый. Заметим, что одним из важнейших и красочных обрядов Масленицы был обряд катания по округе на лошадях верхом и в санях.

Стоит вспомнить, что в древнегреческой традиции, в са-

мой архаической ее части Зевс (Дьяус) – глава пантеона богов олицетворялся в образе дуба у воды (Зевс Додонский). А его дочь, воплощение мудрости и сакрального знания Афина, выходила из головы Зевса и звалась Совоокой, так как ее зооморфным воплощением была сова. Образ совы в вологодской обрядовой песне гораздо архаичнее древнегреческого, так как здесь она не дева – воительница, а праматерь – теща. Отметим, что сова – ночная птица, связанная с древнейшим лунным культом, а Праматерь – та, кто воплощает божественную мысль в проявленном мире. На Русском Севере в археологических памятниках мезолита (10—7 тыс. до н.э.) часто встречаются фигурки женщин, выполненные из камня и кости, завершающиеся Совиной головой.

И, наконец, в обрядовом тексте, связанном с приготовлением к свадьбе, невеста – сирота обращается к своей умершей матери, называя ее «Моя Красная Краси Гора».

Масленица не только праздничный цикл, связанный с культом Праматери – Красной Горы, это и праздник прославления молодоженов, вступивших в брак в прошедшем году. Именно для них прежде всего строились ледяные горы, с которых каждая молодая пара после троекратного поцелуя должна была съехать вниз.

Таким образом, Масленица – Красная Гора «Влесовой книги» – обрядовый цикл, посвященный культу Праматери – материнского начала Вселенной, а также тем, кто служит проявлению этого начала на Земле – молодым супруже-

ским парам.

В древности Новый год (земледельческий) начинался с весеннего равноденствия – ночи с 21 на 22 марта. Именно к этому времени приурочены обряды Масленицы – «единственного крупного дохристианского праздника, не приуроченного к христианскому празднику и не получившего нового истолкования». Древность обрядов Масленицы подтверждается тем, что этот праздник (в том или ином виде) сохранился у многих индоевропейских народов. Так, в Швейцарии Масленица связана с ряжением. Это, прежде всего, устрашающие маски, происхождение которых было связано с древними верованиями. К их числу относятся «дым», «пестрые», «лохматые», или «вышедшие из дымохода» (в повериях через дымоход проникали духи). Для праздника делались деревянные размалеванные маски с оскаленными зубами и клочками шерсти и меха, которые производили жуткое впечатление. Появлению ряженных на улице предшествовал звон колокольчиков, висевших у них на поясах. Ряженные держали в руках длинные палки с прикрепленными к ним мешочками золы и сажки. Звуки, издававшиеся ими, походили на рев, рычание или ворчание. Как считают швейцарские этнографы Р. Вейсс, К. Ханземанн и К. Мейли, эти маски служили в древности воплощением умерших, были связаны с культом предков и были принадлежностью мужских союзов. Ряженные мазали встречных сажкой или обливали водой – действия, связанные в прошлом с магией плодо-

родия.

В Польше ряженые одевались в вывернутые козухи, водили по дворам «туроня» и «козу». Они также мазали лицо сажей.

В Чехословакии были распространены масленичные шествия ряженых. В Словакии это шествие возглавлял «туронь». Ряженые мазали прохожих сажей и обсыпали пеплом.

В Югославии ряженые одевались в одежды из овчины, мехом наружу, «украшенные» колючими ветками, хвостами животных, колокольчиками. Маски делали из кожи, дерева и даже из металла. Среди зооморфных масок особое

распространение получили маски с рогами. Причем маски и колокольчики переходили по наследству от отца к сыну.

В Нидерландах на Масленицу фермеры собирают необъезженных лошадей. Их тщательно чистят, в гривы и хвосты вплетают яркие бумажные цветы. Затем участники праздника садятся на лошадей и скачут к морскому берегу, причем лошадь обязательно должна замочить ноги.

В Германии ряженые парни и девушки впрягались в плуг и ходили с ним по всем переулкам города. В Мюнхене при переводе учеников мясников в подмастерья в масляниный понедельник ученики были одеты в овечий мех, обшитый телячьими хвостами. Они старались обрызгать водой из фонтана всех стоящих вокруг. Прежний смысл этих действий – заклинание плодородия.

В число масляничных ряженых часто входила супруже-

ская пара или жених с невестой, а раньше включались и элементы свадебного обряда. (Безбрачие в народе часто воспринималось как порок, который мог повлиять на плодородие почвы). У лужичан в масляничных танцах считалось, что танцевать надо бойко, прыгать высоко, чтобы лен уродился высокий.

В Сербии, Черногории и Македонии после масляничного ужина, когда вся семья собиралась вместе, подвешивали над столом на бечевке вареное яйцо и раскачивали его по кругу: каждый из присутствующих стремился прикоснуться к нему губами или зубами. Верили, что этот «обычай способствовал хорошему урожаю, увеличению поголовья скота и птицы.

В Словении на Масленицу все, и стар, и млад, должны были плясать и прыгать, чтобы хорошо уродилась репа, причем, чем выше подпрыгивают танцующие, тем обильнее был урожай. С этой же целью плясали и подпрыгивали ряженые. Считалось, что качание на качелях, на канатах, сплетенных из растений, или непосредственно на ветвях деревьях, также способствует плодородию земли, здоровью людей и борьбе со злой силой. В ряде мест Словении посуду, бывшую в употреблении в последний день Масленицы, не мыли, а во время сева сеяли из нее – верили, что это принесет богатый урожай. И, наконец, в Болгарии на сырной неделе качались на качелях, что по поверию, приносило здоровье. В течение всей сырной недели парни и девушки затемно выходили за село, садились на какое-нибудь ровное место, повернув-

шись к востоку, и пели песни. Затем водили хоровод и продолжали петь песни любовного содержания. Народное объяснение обычая – «для плодородия и здоровья».

Все эти факты свидетельствуют о том, что Масленица, как праздник начала года – весны, сложился еще в общеиндоевропейский период, не позднее рубежа IV – III тыс. до н. э. Об этом свидетельствуют не только традиции европейских народов, сохраненные вплоть до наших дней, но и традиции Индии, пришедшие из глубокой древности.

В древнеиндийской обрядности многие элементы Масленицы (и последующей Пасхи) прослеживаются в одном из самых ярких праздников порубежья зимы и весны – Холи, который отмечался в феврале-марте (окончание холодного сезона). Н. Р. Гусева подчеркивает, что «все ритуальные действия праздника неотделимы от магии плодородия и исторически восходят к доиндийскому периоду жизни арьев. Обрядово-магические проявления, связанные с весенним равноденствием, носят характер, чрезвычайно близкий пасхальным, восходящим непосредственно к язычеству, что и перешло в пасхальную обрядность славянских народов».

Как пример таких общих обрядов Пасхи и Холи, Н. Р. Гусева приводит обычай красить яйца в красный цвет славян и обливать друг друга красками у индийцев. Причем: «и у тех, и у других красный цвет применяется обязательно как цвет воспроизводства людей и животных, и это служит одним из самых четких пережитков магии плодородия».

Помимо пасхальных элементов, в индийском празднике Холи присутствуют в большом количестве обрядовые действия, характерные для восточнославянской Масленицы.

Это целый ряд поведенческих проявлений, которые, судя по всему, сложились в глубочайшей древности: распевание непристойных песен эротического содержания, исполнение танцев плодородия, распитие алкогольных напитков, приготовление ритуальной пищи из теста и творога. В Индии во время праздника Холи обязательно сжигают чучело Холики, которое делают из соломы. Для костра собирают хворост, солому, старые вещи, коровий навоз. Костер поджигают огнем, который каждый приносит из дома, и все танцуют возле него.

Но, согласно русской традиции, на Масленицу разрешалось петь непристойные песни, полные эротических намеков. В. К. Соколова пишет: «на проводах Масленицы на реке Тавде главные распорядители раздевались донага и делали вид, что моются в бане. В Ишимском округе 60 лет назад был „масленичный король“, который произносил „речи в костюме Адама“. Интересно отметить, что обнажались даже при лютых морозах, и делали это не мальчишки, не отпетые озорники, а пожилые уважаемые люди». На Русском Севере на Масленицу, как и в Индии во время праздника Холи, жгли костры. Причем материалом для костра было сено, солома, старые вещи. В Белозерском уезде Новгородской губернии девушки сено и солому старались добыть тайно, украв у со-

седей. Здесь не добавляли в костер коровий навоз, но зато обмазывали им дно корзин и нижнюю часть деревянных плашек, на которых скатывались с ледяных гор. Чучело Масленицы, как и Холики, делали из соломы и сжигали. В Вологодской губернии такой обряд был распространен в Кадниковском, Вологодском, Кубенском и Никольском уездах. На Масленицу ряженые в Вологодской губернии нередко сыпали на пол избы пепел и золу и плясали на них, а также мазали сажей и посыпали пеплом и золой всех участников обряда. В индийской традиции существует обычай во время Холи брать горсть золы от костра, посыпать им пол в доме и бросать щепотки золы друг в друга.

Обрядовые действия на Масленицу на Русском Севере были разнообразны. Так В. К. Соколова, в связи с проводами Масленицы отмечает следующие основные моменты:

Зажигание костров.

Проводы – похороны.

Обычаи, связанные с молодоженами.

Катание на лошадях и с ледяных гор.

Праздничная трапеза – блины.

Поминание усопших родителей.

Зажигание костров.

В некоторых сообщениях говорится, что материал для костра надо было обязательно украсть. Возможно, что это очень древний пережиток – собирать все для священных ог-

ней тайно (такой обычай соблюдался при сборе материалов для купальских костров украинцев и белорусов). Материал для костров свозили на паровое поле, на возвышенность и в сумерки зажигали костер. Под влиянием обычая красть материал для костра, стали красть и бревна для ледяной горки – «катушки». Так делали в селе Кокшеньга Никольского уезда Вологодской губернии.

Масленица – праздник, связанный с поминовением покойников. Кулачные бои, которые устраивают на Масленицу – также один из элементов поминального обряда. Костры, которые жгут на Масленицу (из соломы и старых вещей) также в древности были связаны с культом предков, так как считалось, что ритуально человек обязательно должен был умереть на соломе. Среди персонажей Масленицы (как и святок) обязательно были: предки («старцы», «покойник»), чужаки («нищие»). Именно они «отпевали покойника», которого изображал кто-нибудь из мужчин. Всех девушек заставляли целовать его в губы. Это отпевание очень часто выражалось в самой изощренной «площадной» ругани, которая была ритуальной и, как считалось, способствовала плодородию. Ряженные рядились в изорванную одежду, лохмотья, в вывороченные шубы, приделывали горбы («старцы»), накрывались пологом («лошадь»), мазались углем, сажой. Придя в избу, плясали молча или имитировали голосом вой, звучание музыкальных инструментов. По деревне

ряженные могли ездить на метле, на ухватах.

Д. К. Зеленин считал, что некоторые элементы масленичных обрядов «свидетельствуют о том, что когда-то этот праздник совпадал с окончанием периода свадеб. С одной стороны, в них содержатся величания молодых, вступивших в брак в течение последнего года, с другой – наказания для тех, кто не сумел воспользоваться только что закончившимся свадебным периодом». Он отмечал, что Вьюнишник, то есть пение песен с поздравлением новобрачных, в некоторых местах также приходится на Масленицу. Один из распространенных в XIX – начале XX в. обычаев – катание молодоженов с горы на салазках «прокатывание». Особенно устойчиво катание молодых с ледяных гор сохранилось на Русском Севере (Архангельская, Вологодская, Олонецкая губернии). Этому катанию здесь придавалось особое значение. Молодая, как правило, поднявшись на гору, низко кланялась три раза и, сев на колени мужа, целовала его. Скатившись с горы, молодая еще раз целовала мужа. Считалось, что для плодородия молодых необходимо сажать прямо на снег, на них наваливались все, кто скатывался с горы, их зарывали в сугроб. В этом обряде молодоженам наглядно демонстрировали истину: «Жизнь прожить – не поле перейти». Катанию с гор в древности приписывалось магическое значение. До начала XX века во многих областях России продолжали кататься с гор на прялках (или донцах прялок) «на долгий

лен». Так в Кубенском уезде, с гор катались и замужние женщины.

Их украшали лентами, расписными дугами, дорогими колокольчиками. Сани традиционно закрывали овчинами мехом наружу, которые также считались стимулирующими плодородие.

В. К. Соколова пишет: «Некоторые исследователи видели в блинах отголосок солярного культа – знак оживающего солнца. Но это мнение не имеет серьезных оснований. Блины по происхождению, действительно, ритуальная еда, но связаны они были непосредственно не с Масленицей и с солнцем, а с культом предков, который входил как составной элемент в масленичный обряд». Суббота перед Масленицей отмечалась как родительская. В этот день пекли блины (начинали печь). В некоторых деревнях первый блин клали на божницу – «родителям», этот блин мазали медом, коровьим маслом и посыпали сахарным песком. Иногда первый блин несли на погост и клали на могилу. Надо помнить, что блины – обязательная еда на похоронах и при поминовении душ умерших. Причем, знаком Масленицы блины стали только у русских, у украинцев и белорусов такого не было. В связи с обрядовыми блинами, стоит обратить внимание на то, что жители гор Афганистана – калаши, которых считают наследниками «древнейшей до-ведической идеологии первых индоевропейских иммигрантов на субконтиненте», во время праздника «chaumos» (аналога русской Масле-

ницы) пекут три лепешки, предназначенные для душ умерших. И здесь стоит вспомнить текст Махабхараты, рассказывающий древний миф о том, как появилась жертва предкам и почему предки называются «пинда», то есть лепешки. Этот миф гласит, что когда «земля, опоясанная океаном, некогда исчезла», то Творец поднял ее, приняв образ вепря-кабана. (Вспомним, что один из христианских святых, заменивших древнего бога Велеса-Трояна, носил имя Василий и был покровителем свиноводства). Итак, подняв первома-терию из глубин космического океана, Творец увидел, что к его клыкам прилипли три кома земли. Из них он слепил три лепешки и произнес следующие слова:

«Я творец мира, себя воздвиг, чтобы произвести предков.

Раздумывая о высшем законе обряда жертвы, предкам,
Достав землю, я со своих клыков на южную сторону
сбросил эти лепешки,

Из них возникли предки.

Эти три лепешки безвидны, пусть будут безвидны
и вечные предки, созданные мною в мире.

Как отца, деда и прадеда пусть меня знают,

Пребывающего здесь, в трех лепешках. Певец, таков его
устав, что предки познаются как лепешки.

И по слову Творца постоянно получают поклонение».

Приготовление ритуальной пищи – блинов непосред-

ственно связано с поминовением усопших родителей. Еще П. В. Шейн в XIX веке подчеркивал, что крестьяне считают «будто надежным способом связи с иным миром является обычай печь блины». Это обязательная еда похорон, поминок, свадеб, святок и Масленицы, то есть дней, в той или иной мере связанных с отправлением культа предков. В. К. Соколова отмечает, что: «В первой половине XIX века обычай отдавать первый блин покойным родителям или поминать их блинами, видимо, бытовал широко». Вероятно, здесь перед нами отголосок древнего мифа, приведенного выше, согласно которому первые предки возникли из трех комов земли, превращенных Творцом в лепешки. Таким образом, первый блин, судя по всему, является символом кома земли и прадеда, то есть Творца или Деда Мороза. Поэтому ритуальное кормление блинами – прерогатива Деда Мороза и дней, связанных с его обрядовым почитанием.

Так как Масленица была связана с поминовением усопших родственников и характеризовалась ритуальными бесчинствами ряженых, нет ничего удивительного в том, что вплоть до конца XIX – начала XX вв. некоторые архаические элементы поведения ряженых сохранялись в домашних обрядах. Уже отмечалось ранее, что ряженые «колдуны» могли ездить голыми на палке, метле, кочерге.

Но на порубежье веков в Тотемском уезде существовал обычай, при котором нагие женщины до восхода солнца три

раза объезжали дом на клюке (чтобы выжить клопов и тараканов). А в Череповецком уезде каждый хозяин дома обязан был «объехать утром избу на помеле, чтобы никто не видел, и в доме целый год будет всякого добра».

Будучи праздником, связанным с культом предков, подателей плодородия, Масленица могла знаменовать собой и день предков, которые возвращались в мир живых для помощи потомкам (сутки предков – лунный месяц). О том, что уже в христианскую пору Масленица длилась 14 дней свидетельствует сообщение одного из иностранцев, посетивших Россию в 1698 году. Он писал, что «Масленица напоминает мне Италианский карнавал, который в то же время и таким же образом отправляется». Приходя в мир живых всего лишь на день из своего мира, «родители», во главе с Трояном, не только увеличивают животворящую силу Земли, но и обретают новые силы сами. Ведь блины, овсяный кисель, мед, крашеные яйца, молоко, творог, каши – это пища не только живых, но и пришедших к ним в гости на Масленицу предков. Вкушая ритуальную трапезу, Дед Мороз превращается из владыки холода и ночи во Владыку весны и утра года – Трояна. Ему еще предстоит показать вновь все три своих лика: юность – весну – созидание; лето – зрелость – сохранение; зиму – старость – разрушение, а значит и возможность нового созидания.

Исходя из вышеизложенного, все мероприятия Масленицы не должны выходить за рамки традиции, это:

Ритуальные вечерние или ночные костры из соломы на возвышенностях, полях или шестах (возможны костры в виде «сегнерова колеса»);

Качание на русских качелях, перекидных досках, кулачные бои;

Катание на лошадях верхом и в санях;

Катание с ледяных гор на донцах прялок, на прялках, в корзинах, на деревянных плашках, качание на русских качелях;

Угощение: блинами, овсяным киселем, пивом, медом, творогом, молоком, кашами (овсяной, ячменной, пшеничной);

Ритуальные обходы ряженных.

Персонажи ряженья Масленицы:

Предки – «старцы», «покойник», «высокие старухи».

Чужаки – «нищие», «охотник», «черт» (весь черный с рогами).

Молодые – «жених с невестой», «беременная баба».

Животные – «Бык», «Корова», «Конь», «Козел», «Лось», «Медведь», «Собаки», «Волки».

Птицы – «Гусь», «Гусак», «Журавль», «Утка», «Курица».

Ряженные «пекли блины», «сбивали масло», «молотили горох», «мололи муку», «меряли солому». Они «женили молодых», «отпевали покойника». «Деды» сажали девок на колени к парням, «женили их». Тех девок, которые не подчинялись им, «деды» били вениками, заставляли целоваться с со-

бой. Всех обливали водой.

Таков древний праздник Масленица.

Палеолит. Золотой век Матриархата

Среди множества неразрешенных проблем истории народов Евразии одной из интереснейших представляется проблема древнейшей истории Европейского Севера той далекой поры, в которой мы должны искать истоки и корни своеобразной и неповторимой северорусской культуры.

«Сказка Севера глубока и пленительна, – писал об этой земле Николай Константинович Рерих. Северные ветры бодры и веселы. Северные озера задумчивы. Северные реки серебристые. Потемнелые леса мудры. Зеленые холмы бывалые. Серые камни в кругах чудесами полны. Все ищем прекрасную Древнюю Русь».

«Народ не помнит, чтоб когда-нибудь изобрел он свою мифологию, свой язык, свои законы, обычаи и обряды. Все эти национальные основы уже глубоко вошли в его нравственное бытие, как сама жизнь, пережитая им в течение многих доисторических веков, как прошедшее, на котором твердо покоится настоящий порядок вещей и все будущее развитие жизни. Поэтому все нравственные идеи для народа эпохи первобытной составляют его священное предание, великую родную старину, святой завет предков потомкам», – а эти слова выдающегося русского фольклориста XIX

в. Ф.И.Буслаева, произнесенные им на торжественном акте в Московском Университете в 1859 году, не потеряли своей актуальности и в наши дни.

Обращаясь сегодня к глубинам народной памяти, запечатленной в легендах и сказках, былинах и былинках, преданиях и заговорах, в песнях и плясках, обрядах и ритуалах, в традиционном искусстве вышивки, ткачества, резьбы и росписи, мы вольно или невольно погружаемся во тьму веков и тысячелетий, уходим в то далекое время, когда все эти формы народной культуры еще только зарождались. Когда это происходило?

Н.А.Криничная считает, что прообразы изображенных в преданиях персонажей и связанных с ними мотивов формируются уже в мифе о тотемном предке, «становление которого относится к периоду раннеродового общества (это примерно средний палеолит), то есть 100 000 – 50 000 лет назад.

Что же это было за время и чем оно замечательно для территории севера Восточной Европы? О. Н. Бадер в своей работе «Из глубин палеолита» пишет, что уже в мустьерскую эпоху расселение человеческих коллективов охватило обширные пространства на севере. Он полагал, что именно в это время в период так называемого «Микулинского» или Рис-вюрмского межледниковья, характеризующегося относительно теплым климатом, вероятно, произошла первая встреча людей с Северным Ледовитым океаном на се-

веро-востоке Европы. «Все местонахождения среднепалеолитических мустьерских орудий, вытянутые вдоль Западного Приуралья, по берегам древней реки Пра-Камы (ныне Волга) от Волгограда до устьев Чусовой, Обвы и Вишеры, обрисовали путь, по которому прошли древние, расселяясь в Восточной Европе».

И такой вывод представляется вполне закономерным в свете новейших палеогеографических данных, свидетельствующих о том, что в Микулинское межледниковье (130 000 – 70 000 лет назад) на территории европейского севера нашей страны тундры не было вообще. До 65° с.ш. распространялись смешанные еловые и березовые леса с включением граба, а до 60° с.ш. доходили широколиственные леса из липы и дуба. То есть до крайнего севера вдоль западной оконечности Северного и Приполярного Урала в время тянулась широкая полоса березовых, хвойных лесов с включением дуба и вяза. Среднезимние температуры на севере Европы были тогда значительно выше современных: в Скандинавии на 7°C, а на северо-востоке Русской Равнины на 7—8° и даже 11° С.

Палеогеографы, почвоведы, палеоклиматологи пришли к выводу о том, что «130000 – 70000 лет назад на Восточную Европу были распространены условия, свойственные сейчас западным приатлантическим районам Европы. Различия же в климате Западной Европы настоящего времени и микулинского межледниковья, в отличие от Восточной Европы, были

невелики». Более того, в средиземноморско-черноморской полосе в некоторых пунктах зимой температуры были на 1—2° ниже, чем в наше время.

«Теплая Арктика микулинского межледниковья, когда январские температуры были на 4—8°С выше современных, позволяет предполагать, что поступление теплых вод Гольфстрима в то время было значительно более мощным, чем сейчас (с более высокой температурой)», – считают авторы атласа – монографии «Палеогеография Европы за последние 100 000 лет». Они отмечают, что для района Белого моря (в пределах восточной части Северо-Европейского архипелага) в межледниковье были характерны сосновые леса, затем смешанные березовые с елью и широколиственными породами, а в конце межледниковья господствующее положение перешло к березовым лесам.

Во время Микулинского межледниковья примерно до 60° с.ш., а в бассейне верхнего течения Северной Двины и Вятки до 57° с.ш. были распространены березовые и еловые леса с большим или меньшим участием дуба, граба и вяза. Поэтому нет ничего нереального в освоении древними человеческими коллективами севера Восточной Европы уже в мустьерское время.

Археологи считают, что на реке Печора (стоянка «Крутая Гора») люди обитали уже 70 тысячелетий назад.

И более того, «первобытная археология располагает теперь массовыми и бесспорными материалами, доказываю-

щими длительную предысторию земледелия, начавшуюся, по крайней мере, с конца эпохи среднего палеолита», т.е. археологи определяют время зарождения первобытного земледелия, отстоящего от нас на 50 или 70 тысячелетий.

Для его возникновения в форме собирательства необходимым условием являлось наличие разнотравных и злаковых степей. И таковые были не только в традиционной зоне – на юге Русской равнины, но и на севере, где для времени 45210 +1430 лет назад в бассейне рек Вычегды и Печоры отмечаются сосново-березовые леса со злаковым разнотравным покровом.

44 тысячелетие до н.э. – время новых, по сравнению с очень теплым Микулинским межледниковьем, климатических условий – Молого-Щекснинского межледниковья.

Примерно 70 тысяч лет назад Микулинское или рисвюрмское межледниковье, продолжавшееся около 60 тысяч лет, кончилось. Начался очередной ледниковый период, получивший в Восточной Европе название Валдайского. Это название очень условное, т.к. весь этот период делится на две неравные части: 70 – 24 тысяч лет назад – безледниковый Валдай и 24 – 13-тыс. лет назад – ледниковый Валдай. Причем во время безледникового Валдая медленное усиление похолодания чередовалось с периодами потепления.

Одним из таких потеплений, очень длительным, было Молого-Щекснинское межледниковье, продолжавшееся с короткими периодами похолодания с 50 тысячелетия по 24 ты-

сячелетие до наших дней, причем время от 32 до 24 тысячелетий назад было наиболее теплым.

Так, на Дону распространяются широколиственные леса, здесь развивается так называемая костенково-стрелецкая палеолитическая культура, часть населения которой в период Молого-Щекснинского межледниковья продвинулась по Русской равнине до бассейна Оки. Ряд археологов предполагает, что племена стрелецкой культуры в это время заселяют берега Печоры. Исследователи отмечают, что: «На северо-востоке Европы, куда входят огромные пространства Поволжья и Приуралья, за последние годы найдены выдающиеся памятники ранней поры палеолита, и уже наметился перелом в сторону усиления работы по их изучению. Отдельные районы Русской равнины (северо-запад) в молого-шекснинское время, возможно, не были заселены. Следует особо подчеркнуть: с юга на север Русской равнины в пору сложения и развития верхнего палеолита продвигались не бродячие охотники-помады, но племена, ведущие оседлый образ жизни, строившие долговременные жилища различных типов, ведущие сложную домашне-хозяйственную деятельность, основанную на охоте и собирательстве. Охота на стада лошадей и северных оленей требовала совершенствования метательного оружия и, вероятно, привела уже в столь раннее время к изобретению лука и стрел. В этот же период складывается и развивается духовная культура».

Памятники духовной культуры древнего каменного ве-

ка – палеолита сохранились в местах длительного обитания, на древних стоянках палеолитического человека.

Судя по всему, в ближайшее время на территории Русской равнины и, в частности, Русского Севера будут открыты первоклассные памятники, относящиеся ко времени Молого-Шекснинского интерстадиала – самого теплого времени валдайского ледниковья.

Памятники духовной культуры древнего каменного века – палеолита сохранились в местах длительного обитания, на древних стоянках палеолитического человека.

Судя по всему, в ближайшее время на территории Русской равнины и, в частности, Русского Севера будут открыты первоклассные памятники, относящиеся ко времени Молого-Шекснинского интерстадиала – самого теплого времени валдайского ледниковья.

На территории Польни и Германии все памятники древнего каменного века сосредоточены южнее 52 параллели в бассейне верхней Вислы и в Силезских горах. На территории Восточной Европы они распространены неравномерно. В западной части такие памятники прослеживаются только до 52 параллели.

В Центральной части Русской равнины мустьерские памятники известны до 54 параллели, а верхнепалеолитическая Бызовая стоянка (в среднем течении реки Печоры) расположена севернее 64° с.ш., примерно в 175 км от Полярного круга. Ее возраст 25450 ± 380 л.п., стоянка Сунгирь

на Клязме – чуть севернее 56° с.ш. – ее возраст 25500 ± 200 л. назад. Кроме того к 24 тысячелетию до н.э. относятся такие стоянки северо-востока Русской равнины как Медвежья пещера в верховьях Печоры, Островская стоянка, Смирновская и Бурановская пещеры. На северо-западе памятники этого времени неизвестны.

Культурные традиции, сложившиеся у населения северной части Русской равнины того далекого времени, очень хорошо представлены захоронениями стоянки «Сунгирь» под городом Владимиром, относящейся к концу Молого-Шекнинского времени. Здесь, соблюдая давно сложившийся ритуал, люди, жившие в XXIV тысячелетии до н.э., перед тем как похоронить своих покойников посыпали дно могилы раскаленными углями, очищая ее, возможно, остатками тризны. Затем на дно сыпали мел или другое белое вещество, похожее на известь, и уже по белому слою густо посыпали красной охрой.

Белое и красное – символы чистоты и крови, снега и огня уже в то далекое время были вместе, провожая человека в мир иной. Умерших клали в могилу в богато украшенной одежде, с многочисленными каменными и костяными орудиями труда и оружием, их покрывали меховыми плащами и обильно засыпали красной охрой.

Так в Сунгири, в одной из могил был похоронен высокий, широкоплечий мужчина 55 – 56 лет, лежащий на спине со сложенными на животе руками, голова его была поверну-

та на северо-восток. Он был одет в замшевую или меховую рубашку, кожаные штаны и кожаную обувь типа мокасинов. Вся одежда этого человека XXIV тысячелетия до н.э. была расшита 3500 бусинами, выточенными из бивней мамонта. На руках его было надето более 20 браслетов из тонких, выстроганных из бивней мамонта пластинок, а также браслеты из нанизанных бус. Весь головной убор был расшит бусами и завершился на затылке песцовыми клыками. На плечах мужчины лежал короткий меховой плащ, расшитый более крупными бусинами. Рядом с мужчиной были похоронены девочка 7—8 лет и мальчик 12—13 лет. Их погребения также сопровождалось большим количеством изделий из мамонтовой кости. Особый интерес представляют копыя, сделанные из расщепленных и выпрямленных бивней: 2 м 42 см у мальчика и 1 м 66 см у девочки. Сегодня еще не ясно, как наши далекие предки производили выпрямление и расщепление трехметровых бивней, как выстругивались длинные, прямые, твердые и острые копыя. Одежда детей была расшита бусами еще богаче, чем одежда мужчины. На ней в общей сложности было нашито около 7500 бус, на руках детей были надеты браслеты и перстни из мамонтовой кости. Кроме того, одежду украшали изящные орнаментированные прорезные диски, заколки, застежки. Археологи предполагают, что захоронение детей не одновременно захоронению мужчины и было сделано значительно раньше. Это свидетельствует о том, что перед нами не случайное богатое погреб-

бение, а устойчивая традиция, которая складывались долго, и сохранилась в течение тысячелетий.

Абстрактное мышление человека верхнего палеолита Восточной Европы было значительно развито, о чем свидетельствуют не только захоронения Сунгири, но и многочисленные орнаментированные поделки того далекого времени, являющиеся высокосоввершенными образцами палеолитического искусства. Так па Дону (Костенки) на изделиях из кости и кремня – женских фигурках – как правило, графически изображены лепты-пояски па груди и талии. Из элементов орнамента наиболее часто встречается косой крест. М. Д. Гвоздовер пишет: «Очевидно, этот орнамент следует считать, наиболее характерным для костенковской культуры, тем более что в других палеолитических культурах ряды из косых крестиков почти неизвестны... Выбор орнамента и его расположение на предмете не вызваны технологическими причинами или материалом... характер размещения элементов орнамента и их выбор вызваны не технологическими причинами, а культурной традицией».

М. Д. Гвоздовер считает, что «археологическую культуру характеризуют как сами элементы орнамента, так и тип их расположения на орнаментальном поле и группировка элементов». В древнем каменном веке впервые на изделиях из бивней мамонта, найденных на стоянке Мезин на Черниговщине (XXIII тысячелетие до н.э.) появляется еще один тип орнамента – мотив меандра и свастики.

Выдающийся русский исследователь В. А. Городцов писал в 1926 году, анализируя северорусское крестьянское ткачество и вышивку: «Еще так недавно полагали, что меандр и овы являются плодами античного искусства Греции, а свастика – искусства Индии, но все это оказалось неверным, так как документально доказано, что свастика, меандр и овы были излюбленными мотивами орнамента древнейших веков бронзовой эпохи, когда, может быть, не было еще ни греков, ни индусов, скрывавшихся в одной семье индоевропейцев, и когда эти мотивы успели распространиться не только по всем материкам Старого Света, но и проникнуть в Среднюю Америку. И это неудивительно, потому что свастика и меандр ранее и тех отдаленных от нас времен: они найдены в России на предметах искусства Мезинской палеолитической стоянки, время которой отстоит от нас, как полагают геологи, на многие десятки тысячелетий. И в каком поразительно развитом виде они находятся там! И что удивительнее всего, так это то, что они и там связывались с фигурками птиц, несомненно, имевших то же культовое религиозное значение, какое имеют и в наше время, т.е. значение символа весеннего солнца и связанных с ним представлений о счастье, благополучии и радости. Таким образом, в прелестном комплексе свастических знаков, в узорах северно-русских искусных мастериц скрывается реминисценция (живое воспоминание) о самых древних общечеловеческих религиозных символах. И какая свежая, какая твердая

память!».

Что было исходным образцом для сложнейшего ромбо-меандрового и свастического орнамента Мезина до сих пор остается загадкой.

Палеонтолог В. И. Бибикова в 1965 году предположила, что меандровая спираль, разорванные полосы меандра и ромбы на предметах из Мезина возникли как повтор естественного рисунка дентина мамонтовых бивней.

Из этого она сделала вывод, что подобный орнамент для людей верхнего палеолита был своеобразным магическим символом мамонта, воплощавшего в себе (как основной объект охоты) их представления о достатке, мощи и изобилии.

Опубликовавший материалы Мезинской стоянки И.Г. Шовкопляс отмечает, что меандровые узоры, характерные для памятников этой верхнепалеолитической культуры, не имеют себе прямых аналогий в палеолитическом искусстве Европы и могут быть поставлены «в один ряд с совершенным геометрическим орнаментом более поздних исторических эпох, например, неолита и меди-бронзы». В членении В. А. Городцовым европейских верхнепалеолитических культур XX – XXV тыс. до н.э. на три отдельные области – западноевропейскую, средневропейскую и восточноевропейскую по характеру памятников искусства, основой для выделения восточноевропейской области послужил неповторимый орнамент Мезина.

Таким образом, наш Мезин на Черниговщине знаме-

нит геометрическим меандровым орнаментом на кости. В остальных частях Старого Света меандр появляется только в эпоху бронзы. Правда, в связи с истоками этого орнаментального мотива у различных исследователей сложились самые разные точки зрения.

В.И.Бибикова считает возможным выводить мезинский меандр и свастику из повтора естественного рисунка денти-на бивней мамонтов.

А.А.Формозов приходит к выводу, что: «меандр, характерный для античной вазописи, древнегреческие гончары переняли у ткачей, а те лишь скопировали рисунок из нитей, получившийся у них непроизвольно при изготовлении одежды.

У палеолитических охотников Восточной Европы, не знакомых с ткачеством, меандр появился, скорее всего, в результате усложнения зигзагов, нередко выгравированных на их костяных изделиях».

Думается, что как с первым, так и со вторым предположением А. А. Формозова трудно согласиться. Древнегреческим гончарам можно было перенять и другой рисунок переплетения нитей, коль скоро их ткачи были столь виртуозны, что получали меандровые узоры в структуре ткани. Ведь получить меандр «непроизвольным» переплетением нитей невозможно, для этого необходимо владение сложнейшей многоремизной техникой ткачества, так что, вероятно, и античные ткачи, и гончары стремились украсить свои изделия

меандровым узором не случайно, а вполне осознанно, связывая его с определенным комплексом древнейших представлений. Что же касается палеолитических охотников, то на мамонтов они охотились не только в Восточной, но и в Западной Европе, однако, там «усложнения зигзагов», тоже гравировавшихся на костяных изделиях, не произошло.

Вероятно, все-таки ближе к истине Б.А.Фролов, который, дешифруя орнамент мезинского браслета, пришел к выводу, что здесь отражен комплекс сложнейших представлений палеолитического человека о движении времени, о смене сезонов года, о лунном календаре, т.е. мы имеем дело не с простой имитацией природного рисунка и не с «усложнением зигзагов», а с усложнением мышления, со сложной мировоззренческой системой. Он пишет: «Анализ палеолитической графики Евразии теперь уже бесспорно свидетельствует: определенные закономерности, своего рода алгоритмы построения первых орнаментов действительно существовали. Количество элементов в группах орнамента, интервалы между однородными группами повторяют циклы самых частых и наглядных для обитателей Земли космических явлений, связанных, прежде всего с движением Солнца и Луны».

Надо отметить, что и А.А.Формозов считает, что именно «с развитием мышления наших предков, сумевших перейти от конкретно-образного восприятия жизни к сложным абстракциям было связано изменение облика искусства и в неолите и бронзе,

когда подлинный расцвет пережил орнамент».

О том, что мир палеолитического человека был гораздо сложнее и духовно богаче, чем мы представляли себе это ранее, свидетельствует и крайне развитая и специализированная индустрия камня, и сложные конструкции костно-дерновых домов, и тысячи сверленных полированных бусин, копья и браслеты из бивней мамонтов в захоронениях Сунгири, музыкальные инструменты и статуэтки Мезина и многое другое.

Как же было отмечено ранее, уже в верхнем палеолите мы встречаемся и со своеобразным противопоставлением красного и белого цвета: белизне кости противопоставлялся насыщенный цвет гравированных, затертых красной охрой орнаментов. В могилах Сунгири дно посыпалось белым веществом (мелом или известью) и «уже по белому слою могилы густо посыпались ярко-красной охрой».

Исследователями отмечено, что именно красный цвет играл огромную роль в культовых обрядах и эстетике этого периода. Красные красители употреблялись еще в мустье (т.е. еще до 50 тысячелетия до н.э.), и очень долгое время существовало убеждение, что древние люди пользовались только естественными красителями. В результате исследований было выяснено, что путем обжига железистых конкреций в разных режимах в верхнем палеолите получали красные красители различных оттенков. Н. Д. Праслов отмечает, что «в целом можно констатировать, что уже более 20 тысяч лет назад

первобытные люди использовали широкий спектр красителей, по крайней мере, четыре основных цвета: белый, охристый, красный и черный. Особенно богатой гаммой представлена красная краска». Надо заметить, что в текстильном декоре многих народов Евразии такое традиционное сочетание красного и белого дожило до начала XX века. И особенно это характерно для восточнославянской орнаментики вообще и северорусской, в частности.

Именно в такой строгой и древней красно-белой цветовой гамме выполнены орнаменты «прелестного комплекса свастических знаков в узорах севернорусских искусных мастериц», в которых, по убеждению В. А. Городцова, «скрывается живое воспоминание о самых древних общечеловеческих (а точнее общеиндоевропейских) символах. И какая свежая, какая твердая память!» – восклицает исследователь.

И это не удивительно. Изучавший мезинскую верхнепалеолитическую стоянку И.Г.Шовкопляс считал, что общность орнаментальных комплексов свидетельствует о родстве групп, использующих эти комплексы. Он полагал, что население Костенок II на Дону, Мезинской стоянки в Поднепровье и восточносибирских стоянок Мальта и Буреть было близкородственным. Он отмечает, что: «очень далеким переселением отдельных групп восточноевропейского позднепалеолитического населения, возможно также происходившего из Среднеднепровского бассейна (среднеднепровской этнокультурной области), вероятно, следует объяснить и на-

хождение в Восточной Сибири стоянок Мальта и Буреть, чрезвычайно близких и даже тождественных во многих проявлениях их материальной и духовной культуры (кремневые орудия, изделия из кости, характер жилищ и т.д.) со стоянками Среднеднепровского бассейна, прежде всего с той же Мезинской. Не исключено, что обитатели стоянок мезинской культуры в Среднеднепровском бассейне, с одной стороны, и названных сибирских стоянок – с другой, имели общее происхождение и даже составляли какое-то время одну группу населения на раннем этапе их истории».

Следует добавить, что инвентарь верхнепалеолитической Бызовой стоянки, находящейся в 175 км от Полярного круга, отстоящей от нас на 25—29 тысяч лет, имеет много общего с комплексом нижнего слоя Костенок I, 12 на Дону и относится к тому же времени, что, согласно выводам И.Г.Шовкопляса, свидетельствует о генетическом родстве человеческих коллективов, оставивших эти стоянки. В настоящее время для большинства исследователей заселенность Урала и Приуралья в конце молодого-шекснинского времени представляется бесспорной.

Исключительная развитость и совершенство форм орнаментов, скульптуры, рельефов, относящихся к этому времени, убеждают в том, что их корни следует искать в более древней мустьерской эпохе, в том периоде Микулинского межледниковья (130 – 70 тыс. лет назад), когда человеческие коллективы уже освоили бассейн Печоры и побере-

жье Северного Ледовитого океана и когда климат севера Восточной Европы не отличался от современного климата Англии и Южной Германии. Открытие в последние десятилетия первоклассных памятников палеолита на севере европейской части нашей страны (Медвежья пещера находится на 65° с.ш.), с большим количеством кремневого инвентаря и даже настенной живописью, является выдающимся событием. Оно еще раз свидетельствует о том, что в древнем каменном веке человеческие коллективы широко заселяли север Восточной Европы, т.е. территории будущих Архангельской, Вологодской, Костромской, Вятской областей и республики Коми.

Теплое Молого-Щекснинское время сменилось примерно 20—18 тысячелетий назад резким похолоданием, когда разросшийся скандинавский ледниковый покров достиг своего максимального развития. Данные современной науки свидетельствуют о том, что предельная граница распространения валдайского оледенения шла в широтном направлении от Вильнюса к Смоленску, а затем на северо-запад к Рыбинскому водохранилищу, озеру Кубенскому и Няндоме. Далее на северо-восток граница достоверно не установлена.

В это время на территории Англии и Ирландии, свободной от ледника, простирались приатлантические тундры и субарктические луга. Березовое редколесье (парковая тундра) было распространено в западной части Европы, а редколесье с березовым и березово-сосновым древо-

стоим занимало большую часть Средней Европы и затем сравнительно узкой полосой шло вдоль побережья будущего Балтийского моря, а тогда Балтийского ледникового озера, на северо-восток. Настоящих лесов, или как их называют «типичных лесных бореальных формаций», в западных и средних частях Европы в ту пору было очень мало, и они находились в основном в долинах крупных рек и межгорных котловинах. В пределах Русской равнины леса занимали, в отличие от Западной Европы, большую площадь в виде широкой полосы, пересекающей ее в направлении с юго-запада на северо-восток. Это были березовые, сосновые, еловые и пихтовые леса. Палеогеографы отмечают, что: «в ряде районов здесь уже существовали леса с участием таких широколиственных пород, как дуб и вяз в южной части Русской равнины была распространена растительность степного типа». Интересно отметить, что во время максимума Валдайского оледенения, когда почти вся территория Англии была покрыта ледником, а пригодные для жизни участки представляли собой тундру и арктические луга, первобытные люди и такие животные, как волк, пещерный медведь, шерстистый носорог, северный олень, бык и мамонт обитали всего в 50 км от края ледника. В то же время в бассейне Верхней Волги были распространены луговые степи с елово-березовыми и сосновыми лесами. В бассейне Оки во время максимума оледенения шумели елово-сосновые леса северо-таежного типа. В районе деревни Покровской на реке Пучка

(вблизи от озера Кубенского, на 60°с.ш.) непосредственно у края ледника росло около 38 видов цветковых и споровых растений, а редколесье состояло из березы, ели, лиственницы.

Надо отметить, что собственно тундровый тип растительности в Восточной Европе представлял собой сравнительно узкую полосу, идущую вдоль границы Скандинавского ледникового щита. Но в Центральной Европе тундры занимали, судя по всему, «всю полосу между Скандинавским ледниковым щитом на севере и Альпийским ледником на юге, а в приатлантической части их распространение было еще большим».

Итак, если в период максимальной стадии Валдайского оледенения (20—18 тыс. лет назад) практически почти вся территория Западной Европы, за исключением юго-запада Франции, верхнего течения Дуная и предгорий Восточных Карпат, была занята субарктическими лугами и тундрой с березовым и лиственным редколесьем, то на территории Восточной Европы от верховья Днестра начиналась широкая полоса луговых степей с сосновыми, лиственничными и березовыми лесами, проходящая через бассейн Припяти, Среднее Поднепровье, среднее течение Оки. Расширяясь в направлении с юго-запада на северо-восток, она доходила на северо-западе до Верхнего течения Волги (в районе Ярославля) и среднего течения Вычегды на севере. Весь юго-восток Восточной Европы был в это время занят злако-

выми степями, доходившими на северо-востоке до 55° с.ш., в ряде районов существовали леса с участием таких широколиственных пород как дуб и вяз. Таким образом, растительные зоны размещались в субмеридианальном направлении, «резко отличающемся от в основном широтной зональности современного растительного покрова Евразии», что «может рассматриваться как одна из характернейших черт природы Европы в эпоху оледенения».

На большей части европейской территории нашей страны ледника, даже во время максимума Валдайского оледенения, не было. И конечно, при наличии тех природных условий, что существовали тогда, вряд ли население покинуло эти земли.

Даже более того, специалисты считают, что во время пика Валдайского оледенения, в период наибольшего похолодания, отток населения с территорий, граничащих с краем ледника, шел «к югу в горы, к юго-западу на территорию Центрального массива Франции и вдоль Судет и Карпат в сторону Русской равнины», с ее луговыми степями и лесами, а значит и с обилием пищи.“ Однако, следует отметить, что вся территория Прибалтики, Северной Белоруссии, Северо-Запада Смоленской, Ленинградской, Новгородской и значительная часть Тверской обл. были покрыты ледником и заселение их происходит только в конце позднеледниковья, на рубеже палеолита и мезолита. Остается предполагать, что с изменением климата в сторону ухудшения, а за-

тем и с приходом ледника, население, покинувшее эти территории, в значительной части продвинулось к востоку Русской равнины и Предуралья. Археология подтверждает, что „к началу похолодания на территории центра и севера Русской равнины существовали обширные поселения... эти памятники позволяют сделать определенный вывод о значительной заселенности перигляциальной зоны ошашковского ледникового в тот период, когда климат становился все более суровым. Население вело оседлый образ жизни и обеспечивало себя запасами жизненных средств на зиму“. Надо отметить, что в „прочных и долговременных жилищах населения Русской равнины“ той поры встречаются в большом количестве „песты-тёрочки и настоящие зернотёрочные плиты из гранита, кварцита и шокшинского песчаника“. „Авторы «Палеолита СССР» отмечают, что только на Русской равнине эти приспособления для получения муки «обыкновенными способами, похожими на способы, применяемые в земледельческих культурах», встречаются «в таких количествах, начиная с мустьерских индустрий (т.е. не позднее 50 тыс. до н.э.) и проходя красной нитью практически через все разнокультурные и разновременные позднепалеолитические индустрии».

П. П. Ефименко еще в 1958г., говоря о выдающемся памятнике эпохи палеолита – стоянке Костёнки на Дону, писал, что «древнейший культурный горизонт Костенок I..., сохраняющий еще живые черты мустьерской техники, при-

надлежит «может быть, даже к ранней поре так называемого рис-вюрмского межледниковья. Если это действительно так, тогда верхний горизонт стоянки... может быть отнесен с большой долей вероятности к концу того же межледниковья или ранним этапам вюрма», т.е. к 70—50 тыс. назад. П.П.Ефименко были вскрыты в I слое Костенки остатки большого наземного жилища (длиной 31 м и шириной 8 м, т.е. площадью 248 кв. м.) с восемью очагами и сложной системой отопления. Рядом с жилищем находились зерновые ямы – кладовые. Судя по всему, наполняли эти кладовые именно те злаки, которые составляли луговые злаковые степи, протянувшиеся в эпоху Валдайского (Осташковского) оледенения вплоть до Средней Печоры. Это были ячмень, рожь, овес, пшеница и лен в их диких посевных формах, которые Л.С.Берг называл «растениями длинного светового дня», так как им для нормальной вегетации необходимо не менее 18 часов непрямого солнечного облучения в сутки, обилие влаги в почве и отсутствие перегрева от прямых солнечных лучей. Такие условия южнее 55—56 с.ш. просто отсутствуют. Заметим, что еще академик И. Лепёхин – ученик М.В.Ломоносова в XVIII веке обнаружил в Канинской тундре дикую посевную рожь и дикий лён, а в 1861 году на сельскохозяйственной выставке в Архангельске были представлены колосья этой дикой канинской ржи, мука и хлеб, выпеченный из нее. Причем отмечалось, что «лопари, кочующие по тундре, ничего ни о ржи, ни о льне не зна-

ли и никак их не использовали». Говоря о палеолитическом восточноевропейском протоземледелии, надо отметить, что люди той далекой от нас эпохи были ближе к природе и гораздо наблюдательней, чем изнеженные цивилизацией жители мегаполисов начала XXI века. И они, конечно, должны были отметить для себя тот факт, что если солома, оставшаяся в поле после сбора зерна по какой-либо причине сгорала, то на следующее лето зерна выросло больше таких неоднократных наблюдений было достаточно, чтобы вполне осознанно поджигать эту солому и таким образом удобрять почву. Судя по всему, это и есть тот исток, та отправная точка, из которой вырос впоследствии самый настоящий культ соломы. Отсюда и обычай жечь костры из соломы на Святки, Купалу, сжигать соломенное чучело на Масленицу, знаменовавшую собой начало нового земледельческого года, – традиции дошедшие практически до наших дней.

В эпоху палеолита сложился и тот тип хозяйственной деятельности и разделения труда, при котором именно женщины занимались сбором, хранением и обработкой зерна, о чем свидетельствуют сохранившиеся в русской народной традиции вплоть до середины – конца XX в. очень архаичные «жнивные» обрядовые песни, в которых только «девкам, молодухам» вменялось в обязанность жать, сушить и молоть зерно. Да еще, пожалуй, настораживающая близость таких слов как «мУка» и «мУка». Именно в палеолите, вместе с представлением о том, что «хлеб всему голова», сло-

жился и культ Матери – подательницы жизни и хранительницы зерна, владычицы урожая, воды и огня, Великой Богини. Эту огромную по протяженности эпоху часто называют «Золотым Веком равенства Матриархата».

Она закончилась 13 тысячелетий назад, когда глобальная катастрофа изменила и ландшафты, и климат Земли.

Теща – как персонаж Масленицы

От моря до моря, до Кейева города
Там наша родина, на родине то дуб,
На дубе-то сова, сова-то мне теща...

Одним из самых сложных и загадочных в русской календарной обрядности, безусловно, является праздник под названием Масленица. Все, без исключения, этнографы отмечали и отмечают то странное обстоятельство, что Масленица (или Масляница) – это единственный крупный дохристианский праздник, не приуроченный к христианскому празднику и не получивший нового истолкования». И действительно, почему? Ведь если мы посмотрим на обрядовые циклы так называемого «креста года», то есть зимнего и летнего солнцестояний, осеннего и весеннего равноденствий, то налицо парадокс. Зимнее солнцестояние (Святки или Коляда) соотнесено с Рождеством Христовым. Летнее солнцестояние (Купало) – это Рождество Иоанна Крестителя. Осеннее равноденствие (Овсень) – это Рождество Богородицы. А весеннее – ничего.

Праздник   весеннего   равноденствия   забыли?
Но так ли это?

Для того, чтобы разобраться с этим странным феноменом, нам придется погрузиться в глубины тысячелетий. И вспомнить, что в течение огромного временного промежутка – с VII тыс. до н.э. до середины I тыс. до н.э. на территории севера Восточной Европы (от 69° ч.ш. до 55° с.ш.) средне-летние температуры были выше на 4—5°С, чем в настоящее время. Весна же начиналась на месяц раньше, чем сейчас. Соответственно сдвигался и приход осени, менялась картина зимы, в которой температуры были близки к 0°С, т.е. зима была очень мягкой.

Так как весна практически начиналась уже на рубеже февраля и марта, то обряды встречи весны, длившиеся в древности (как и зимние Святки) месяц, начинались в конце февраля и заканчивались в день весеннего равноденствия – 22 марта (точнее в ночь с 21 на 22 марта). Именно с этого дня начинался новый земледельческий год, отмеченный обрядами Масленицы – «единственного крупного дохристианского праздника, не приуроченного к христианскому празднику». Судя по западноевропейскими и западно-южнославянским традициям, в которых повсеместно на эти дни было принято ряжение, причем в основном использовались зооморфные маски, сложение этих традиций можно отнести к общеиндоевропейскому периоду, т.е. не позднее рубежа IV – III тыс. до н. э. О том, что Масленица, как праздник начала земледельческого года – весны, сложился еще в общеиндоевропейский период свидетельствует не только традиций

европейских народов, сохраненные вплоть до наших дней, но и традиции Индии, пришедшие из глубокой древности.

В древнеиндийской обрядности многие элементы Масленицы (и последующей Пасхи) прослеживаются в одном из самых ярких праздников порубежья зимы и весны – Холи, который отмечается в феврале – марте (окончание холодного сезона). Н.Р.Гусева подчеркивала, что «все ритуальные действия праздника неотделимые от магии плодородия и исторически восходят к доиндийскому периоду жизни ариев». Обрядово-магические проявления, связанные с весенним равноденствием, носят характер чрезвычайно близкий к пасхальным, восходящим непосредственно к язычеству, что и перешло в пасхальную обрядность славянских народов.

В общие обряды Масленицы и Холи входили: исполнение непристойных песен эротического содержания, распитие алкогольных напитков, приготовление ритуальной пищи из теста и творога. В Индии во время праздника Холи обязательно сжигают чучело Холики, которое делают из соломы. Для ритуального костра собирают хворост, солому, старые вещи, коровий навоз.

На Руси на Масленицу также жгли костры. Причем, материалом для костров были сено, солома, старые вещи. Использовался и коровий навоз. И также сжигали чучело Масленицы, которое делали из соломы.

В индийской традиции существует обычай во время Холи

сыпать золу от костра на пол дома и посыпать золой друг друга. Но в Вологодской губернии, например, на Масленицу ряженые нередко сыпали на пол избы пепел и золу и плясали на них, а также мазали сажей и посыпали пеплом и золой всех участников обряда.

Особо отметим, что в восточнославянской традиции одним из главных элементов обрядности Масленицы – праздника, связанного с поминовением покойников, была ритуальная еда – блины. Будучи по происхождению очень древней ритуальной едой – выпекавшимися на раскаленных камнях пресными лепешками – блины ни в коей мере не связаны с культом солнца, а являются общеиндоевропейским символом луны – «солнца мертвых». У русских, например, в «родительскую субботу» обязательно пекли блины. В некоторых деревнях первый блин мазали медом, сливочным маслом и клали на боженицу – «родителям». Иногда первый блин несли на погост и клали на могилу. Отметим, что блины – обязательная (вместе с овсяным киселем), причем последняя, еда похорон, поминок и свадьбы. И еще интересное обстоятельство, что опару для блинов на Масленицу обязательно творила самая старшая женщина в доме, причем в тайне от домашних и посторонних и обязательно при свете Месяца. И если она была матерью взрослых замужних дочерей, то звали ее Теща. Именно к теще (а не к тестю и теще) ездили «на блины». Теща – как персонаж Масленицы, представляет, по нашему глубокому убеждению, наибольший ин-

терес из всего, связанного с этим архаическим обрядовым комплексом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.